лицом к лицу с Мамаем и этим вселял уверенность в сердца своих воинов. Кроме прямого укора Ивану за его нерешительность и стремление избежать сражения, что, конечно, могло только отрицательно действовать на дух войска, тут и другой, косвенный, и очень, однако, острый упрек, связанный с отъездом Софьи Палеолог на Белоозеро. Из предосторожности Иван III отправил жену на Белоозеро вместе с великокняжеской казной („богатество многое"), и москвичи, конечно, отнеслись к этому резко отрицательно.[1] Вывод, который они делали, что в случае неудачного исхода столкновения с татарами или просто отступления русских войск Иван III может вместе с женой и казной „инде вселиться", т. е. попросту уехать в иные страны, с которыми был связан через жену (так могли решать русские, неприязненно относившиеся к великой княгине-иноземке) — был вполне закономерен. Он и отразился в этом месте Послания.

Пример с Дмитрием Донским Вассиан использует и в другом плане. Во-первых, он показывает, как решительные действия Донского были поддержаны божественной силой,[2] во-вторых, он старается воздействовать на Ивана III, как на христианина, доказывая, что даже в случае неудачи для него и войска, убитым принадлежит венец мученический, раненым — прощение грехов.

Не ограничиваясь примером Донского, автор, верный своему принципу разъяснять все до конца, чтобы не было мест двояко толкуемых, и тут говорит, что божья помощь не замедлит и в отношении Ивана III, как и награда неба за подвиг, стóит только отбросить нерешительность. Автор Послания, как видим, старается предусмотреть все, за что может уцепиться осторожность Ивана III, и предотвратить эту возможность. Особенно яркий пример этого — разрешение от клятвы, данной „по нужди", не выступать против царя. Для еще большей убедительности автор указывает, впрочем, и на то, что Ахмат не имеет права на титул царя. Интересно отметить, что в своем Послании Вассиан несколько раз присваивает Ивану III царское достоинство,[3] противопоставляя „хрестьянского", „богом утверженного" царя татарскому хану. И, несомненно, он идет дальше осмысления термина, как

---

[1] Летописи отмечают отъезд Софьи в весьма (для нее и ее свиты) отрицательных тонах: „Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала от татар на Белоозеро, а не гонял никто же; и по которым странам ходили, тем пуще татарь от боярьских холопов от кровопийцев христианских — воздай же им, господи, по делом их и по лукавству начинания их, по делом руку их даждь им: быша бо жены их тамо, возлюбиши бо паче жены, неже православную христианскую веру... ослепи бо их злоба их..." (ПСРЛ, т. VI).

[2] „... всемилостивый бог дерзости его ради не покосне, не умедли... но вскоре посла свою помощь...".

[3] „Во царех пресветлейшему", „приехавшю в царствующий ти град Москву", „бог да сохранит царство твое", „боголюбивый и вседержавный царю", „где убо хощеши избежати или воцаритися", „крепкий и храбрый царю", „боголюбивый царю" и т. д.